УДК 82.09-1
DOI: 10.26456/vtfilol/2026.3.168

ПОСВЯЩЕНИЕ К «ПОЭМЕ БЕЗ ГЕРОЯ» АННЫ АХМАТОВОЙ КАК ЭНИГМАТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ПРОБЛЕМА АДРЕСАТА

М. Д. Джатдоева

Московский университет им. А.С. Грибоедова, Москва

В статье рассматривается первое из трех посвящений к «Поэме без героя». Доказывается, что Посвящение функционирует как пороговый (паратекстуальный) шифр ко всей поэме: оно одновременно обещает жанровую «прямую» адресацию (посвящение предполагает конкретного адресата) и немедленно разрушает это ожидание через палимпсестный мотив «чужого слова», метаморфозы образов и серию переключений кодов (природный – культурный – музыкальный). В результате адресат оказывается полисемантическим: «ты» в тексте удерживает несколько потенциально совместимых прототипов и встраивает читателя в режим угадывания подлинного адресата.

Ключевые слова: *посвящение, «Поэма без героя», адресат, Ахматова, прототипы, интертекст*

О Посвящении писали многие ученые, в частности, Л.Г. Кихней указала ряд версий потенциальных адресатов, выдвинутых исследователями «Поэмы без героя» [5, с. 105–108]. Р.Д. Тименчик аналитически прокомментировал историю создания поэмы и ее прототипический комплекс, включая посвящения [13, с. 4–7], Н.И. Крайнева опубликовала и текстологически прокомментировала девять редакций ахматовской поэмы, проследив при этом историю становления и вариации заголовочно-финального комплекса первого посвящения к поэме [2, с. 164–541].

Однако окончательно проблема адресации первого посвящения в «Поэме без героя» остается открытой: загадка остается, и мы в настоящей статье предлагаем свою версию ее разрешения.

Для теоретического определения «энигматического текста» используется лингвосемантическая традиция [4], подчеркивающая «загадочность / таинственность» как семантическое ядро термина [12]; ориентацию на адресата и интерактивность, когда «полная знаковая репрезентация» возможна при участии адресата, выполняющего «стратегическую программу адресанта» (в логике «разгадывания») [11, с. 99–101].

Обратим внимание: паратекстовые компоненты (заглавие, подзаголовок, посвящение) выполняют не просто идентифицирующую, а *парольную* функцию: они ограничивают «поле поиска» (круг культурных

© Джатдоева М. Д., 2026

лиц Петербурга Серебряного века и современников автора эпохи конца 1930-х – начала 1940-х гг.) и одновременно провоцируют «детективный» режим чтения.

Обратим также внимание на оборванное начало, имитирующее как бы продолжение письма – с полуфразы. Текст выглядит как автономный, «замкнутый» фрагмент, где смысл подаётся через цепь превращений – от материального дефицита («*бумаги не хватило*») к палимпсесту («*на твоем пишу черновике*») и далее к «проводимости» чужого слова («*чужое слово проступает*»), затем – к визуальному и культурному знаку («*ресницы Антиноя*»), к природным кодам («*зеленый дым*», «*ветерком повеяло родным», «море/хвоя*»), и наконец – к музыкальному реквиему [1, с. 220].

Итак, заголовочный комплекс «Посвящения» информативен и загадочен одновременно: жанровая маркировка заглавия говорит сама за себя: этот текст кому-то посвящен. Возникает вопрос: кому? Указание на адресата содержится в посвятительной адресации, обозначенной инициалами Вс. К. Чтобы расшифровать инициалы, обратимся к историко-биографическому контексту создания и текстовой истории Посвящения.

Ахматова в «Прозе о Поэме» упоминает о том, что первым импульсом к написанию поэмы стали письма и стихи, обнаруженные ею среди вещей Ольги Глебовой-Судейкиной и относящиеся «к трагическому событию 1913 г., о котором повествуется в “Поэме без героя”» [Там же, с. 350].

Вторым импульсом стало воспоминание о похоронах Блока на Смоленском кладбище, когда они с О. А. Глебовой-Судейкиной искали могилу Князева. «“Это где-то у стены”, – сказала Ольга, но найти не могли». Ахматова написала, что она запомнила эту минуту навсегда [Там же, с. 355]. Таким образом, из авторских комментариев следует, что адресат Посвящения – Всеволод Князев.

Но в раме текста есть еще один знаковый элемент, который играет двойную семиотическую роль. Это подзаголовок: «27 декабря 1940». С одной стороны, это дата начала работы над поэмой. Как следует из авторской истории создания поэмы, изложенной в «Вместо предисловия», «первый раз она пришла <…> в ночь на 27 декабря 1940 г.» [Там же, с. 319]. И далее Ахматова уточняет: «В ту ночь я написала два куска первой части (“1913”) и “Посвящение”» [Там же].

С другой стороны, эта дата – вторая годовщина гибели Осипа Мандельштама: ровно два года назад (согласно официальной справке о смерти, выданной его вдове [9, с. 354]). Ахматова нигде прямо не связывает дату написания Посвящения с годовщиной смерти поэта, но, по свидетельству Н. Я. Мандельштам, когда в Ташкенте, первый раз услыхав поэму, она спросила Ахматову, «кому адресовано “первое посвящение”,

Ахматова с досадой ответила: “На чьем черновике я могу писать?”» [Там же, с. 355]. И сам факт перемены даты (изначально была другая – 26 декабря 1940, но после того, как Н.Я. Мандельштам показала поэтессе «бумажку из загса» [Там же, с. 354]), поэтесса поменяла дату на 27 декабря, что отражено в 7 редакции [2, с. 478, 816]. Перенос в подзаголовок свидетельствует о том, что дата становится криптографической вехой, знаменующей годовщину гибели Осипа Мандельштама.

Авторская рамка в сопоставлении с предисловием делает дату не «техническим» указателем, а элементом программы чтения: посвящение изначально конструируется как «узел», в котором пересекаются несколько адресных линий – личная (конкретные прототипы), культурная (1913 и 1940), историческая (террор/блокада/война).

Эта расфокусированная адресация критически важна для понимания энигматичности: чужие бумаги, чужие стихи заранее легитимирует «чужое слово» как материал, а «Большой террор» задает экзистенциальную необходимость говорить «не в лоб», в режимах намека, монтажности и маскировки.

Модель уровней адресованности. Предлагается различать три уровня адресата:

Рамочный адресат: тот, кому эксплицитно и имплицитно отнесено посвящение (посвятительные инициалы/подзаголовок). Здесь это «Вс. К.» и «27 декабря 1940» [1, с. 320].

Интертекстуальный адресат: тот, чьи тексты/образы становятся «черновиком», на котором пишется новый текст («чужое слово проступает»). Этот адресат может быть множественным.

Коммуникативный адресат – читатель: тот, кто должен «выполнить программу» разгадывания (интерактивность энигматического текста).

Именно разведение этих уровней позволяет объяснить, почему «вопрос о конкретном адресате» в «Посвящении» постоянно воспроизводится и постоянно остаётся открытым (определение того или иного адресата).

Основные кандидатуры и логика их сосуществования

Первый кандидат – Всеволод Князев. Аргументы «за»: инициалы вынесены в посвящение; фигура входит в «петербургские обстоятельства»; явные и скрытые цитаты из стихов Князева присутствуют в тексте поэмы. Аргументы «против»: В.М. Жирмунский сомневается, что «Я на твоем пишу черновике» может относиться к Князеву как к слабому поэту [3, с. 513].

Второй кандидат – Осип Мандельштам. Н.Я. Мандельштам [9, с. 354–356], Л.Г. Кихней [5, с. 106], Н.И. Крайнева [2, с. 816, 898–899] выстраивают аргументацию вокруг даты (27 декабря) как «годовщины

смерти поэта» и вокруг портретной детали («ресницы в полщеки»), акцентированной самой Ахматовой.

Третий кандидат – Михаил Кузмин. Аргументы «за»: устойчивый «античный» код («Антиной») читается как окно в «александрийский» мир Кузмина; исследовательская версия связывает метод поэмы с кузминскими принципами [14, с. 235–265], включая сборник «Форель разбивает лед» [Там же, с. 240]. Аргументы «против»: Ахматова ко времени написания поэмы вплоть до 1960-х гг. к Кузмину относилась крайне отрицательно, что отразилось в демонизации его «портрета» в тексте поэмы [7, с. 97–101].

Однако выскажем одно принципиально важное суждение: разные версии не исключают друг друга; напротив, авторская стратегия допускает слияние прототипов и двойничество как приём кодирования. Ахматова как бы программирует читателя на процесс поиска. Эта логика хорошо описывается в терминах криптографического текста: адресат включается в «стратегическую программу» разгадывания [11, с. 105–107]; амбивалентность адресации становятся способом кодирования.

«Поэма без героя» буквально изобилует чужими цитатами, реминисценциями и полисемантичными аллюзиями, отсылающими к паттернам русской и европейской культуры. Это позволило Л.Г. Кихней интерпретировать поэму как своего рода гипертекст [6]. Тексты гипотетических адресатов «Посвящения» также присутствуют в «Поэме без героя» в виде реминисценций и аллюзий.

Всеволод Князев. В.М. Жирмунский, наверное, был не совсем прав, утверждая, что стихи Вс. Князева не могли быть «черновиком» для Ахматовой. Думается, что вполне могли бы… В тексте поэмы мы находим около 9 микроцитат из его стихов, более того: одно его двустишие Ахматова даже поставила эпиграфом к 4 главе Части Первой («Любовь прошла и стали ясны / И близки смертные черты» [1, с. 332].

Осип Мандельштам. Самый сильный аргумент: мандельштамовское выражение «Я к смерти готов», запечатленное в мемуарах Ахматовой о Мандельштаме и включенное в поэму [Там же, с. 326].

Внутритекстовая логика при этом не сводится к «одной отсылке»: важнее, что дата и образы включают «мандельштамовский» слой в общий механизм проступания чужого слова. Л.Г. Кихней обратила внимание на перекличку метаморфоз и альтернативных развертываний [5, с. 106–107]: у Мандельштама в стихотворении «День стоял о пяти головах…» «глаз превращался в хвойное мясо…» [10, с. 215], у Ахматовой в Посвящении – в глазах Антиноя чудится «море», которое тут же трансформируется в «хвою». Ахматова оперирует теми же образами, что и Мандельштам (глаза, море, хвоя), и modus operandi у нее тот же самый.

Михаил Кузмин. Имя *Антиной* несет двойную нагрузку: оно выступает как маркер античного мира и «кузминского» мироощущения. Античный сюжет связан с мотивом смерти/обожествления и эстетизации юности; устойчивый «александрийский» код в модернистскую поэзию начала XX в. связывают с именем Кузмина и его «Александрийскими песнями».

В «Посвящении» «ресницы Антиноя» появляются не как декоративная метафора, а как «вскрывающийся» слой чужого текста/культуры: «чужое слово проступает» – и вместе с ним проступает «чужой» (античный/кузминский) мир. Дополнительная культурная опора – присутствие образа Антиноя в кузминском цикле «Александрийские песни» (1904–1905) в стихотворениях «Если б я был древним полководцем…» [8, с. 65] и «Три раза я его видел лицом к лицу...» [Там же, с. 76–78]).

Хотя «Посвящение» не является политическим текстом в прямом смысле, оно возникает в пространстве, где культура привыкла выстраивать отношения с цензурой и «непроизносимым». В логике описания эзопова языка как «пучка приемов», когда «говорится одно, но подразумевается другое», а часть смысла удерживается умолчанием, энигма выступает не дефектом, а инструментом коммуникации «для своих».

Энигматический текст предполагает участие адресата в разгадывании: адресат выполняет «стратегическую программу» автора; отсюда эффект «инициации» — читатель вынужден распознавать маркеры, соотносить их с культурной памятью, входить в круг «знающих». Читатель ориентирован не столько на результат, сколько на процесс поиска; метод характеризуется авторской формулой «ничто не сказано в лоб» [1, с. 364]. Поскольку поэма в целом посвящается памяти погибших слушателей, личное посвящение становится частью коллективного траура: интимный «ты» и «родное» масштабируются до «тайного хора» поэмы.

Итак, «Посвящение» к «Поэме без героя» является энигматическим текстом не по «туманности» образов, а по *конструктивной установке:* рама текста (дата в подзаголовке и инициалы в посвящении) запускает поиск адресата; далее метапоэтический палимпсест («чужое слово», «черновик») делает адресата одновременно лицом и текстом; наконец, кодовые маркеры распределяют траур и память по нескольким персональным и культурным линиям.

Ключевой вывод: «проблема адресата» в строгом смысле решается не «выбором одного имени», а реконструкцией модели полиадресации: адресат = (прототип(ы) + культурная память + «инициируемый» читатель).

Список литературы

1. Ахматова, А. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Москва : Правда, 1990. 448 с.

2. Ахматова, А. А. «Я не такой тебя когда-то знала…» : материалы к творческой истории. Санкт-Петербург : Міръ, 2009. 1488 с.
3. Жирмунский, В. М. Примечания // Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы. Ленинград : Советский писатель, 1979. С. 443–523.
4. Журинский, А. Н. Семантическая структура загадки. Москва : Наука, 1989. 128 с.
5. Кихней, Л. Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. Москва : Диалог МГУ, 1997. 145 с.
6. Кихней, Л. Г. «Поэма без Героя» А. А. Ахматовой: к механизмам создания гипертекста // Русская литература. 2024. № 3. С. 174–190.
7. Кихней, Л. Г. «Приключение в ночь под Новый год». Э. Т. А. Гофмана как претекст «Поэмы без Героя» Анны Ахматовой // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2025. № 4. С. 93–109.
8. Кузмин, М. Избранные произведения. Ленинград : Художественная литература, 1990. 576 с.
9. Мандельштам, Н. Я. Вторая книга. Воспоминания. Москва : Московский рабочий, 1990. 560 с.
10. Мандельштам, О. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1990. 638 с.
11. Новикова, К. А. Структура энигматического текста: субъектно-адресатный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 98–108.
12. Струкова, Т. В. Энигматические жанры русской поэзии : эволюция и типология : дис. … д-ра филол. наук : 10.01.01 / Т. В. Струкова ; Орловский государственный университет. Орел, 2014. 477 с.
13. Тименчик, Р. Д. Заметки о «Поэме без героя» // Ахматова А. Поэма без героя. Москва : Изд-во МПИ, 1989. С. 3–25.
14. Тименчик, Р. Д., Топоров В. М., Цивьян Т. В. Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. № VI-3. P. 213–305.

DEDICATION TO ANNA AKHMATOVA'S "POEM WITHOUT A HERO" AS AN ENIGMATIC TEXT AND THE PROBLEM OF THE ADDRESSEE

M. D. Dzhatdoeva

A. S. Griboedov Moscow University, Moscow

The article examines the first of three dedications to the "Poem without a Hero". It is proved that the Dedication functions as a threshold (paratextual) cipher for the entire poem: It simultaneously promises a genre-specific "direct" addressation (a dedication implies a specific addressee) and immediately destroys this expectation through the palimpsest motif of "another's word", the metamorphosis of images, and a series of code switches (natural, cultural, and musical). As a result, the addressee becomes polysemantic: the "you" in the text holds

several potentially compatible prototypes and engages the reader in the process of guessing the true addressee.
Keywords: *dedication, "A Poem Without a Hero", addressee, Akhmatova, prototypes, intertext.*

Об авторе:

ДЖАТДОЕВА Мариям Далхатовна – соискатель Московского университета им. А. С. Грибоедова, преподаватель кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики (111396, Москва, Зелёный проспект, д. 66А); e-mail: mary.06.04@mail.ru.

About the author:

DZHATDOEVA Mariyam Dalkhatovna – Applicant at Griboyedov Moscow State University, Lecturer at the Department of Journalism History and Literature, Faculty of Journalism (66A Zeleny Prospekt, Moscow, 111396); e-mail: mary.06.04@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.08.2026 г.
Дата подписания в печать: 14.09.2026 г.